

Даже крик показался Корделии чуждым, словно он исходил из чужого горла. Ее конечности также не подчинялись ее разумному контролю, поскольку они бешено дергались, чтобы отогнать невероятного монстра. «Не подходи сюда! Не ешь меня!» — прогремел ее голос.

«Ты? Какое тщеславие!» — прошипел змей, опустив свою огромную голову. «Мое охотничье поле — сердца людей! Моя добыча — крушение наций! Моя пища — трагедии миров! Кто ты? как не жалкое существо из какого-то забытого плана Мидгарда! Дурак! Твоя жизнь может послужить маленьким наслаждением, подходящим для моих темных целей, без сомнения. Но даже тысяча глубочайших отчаяний твоего рода не пополнят мою быстро ломающуюся тарелку!»

«Тогда зачем?» — захныкала она. «Почему я? Зачем ты привел меня сюда, если не для того, чтобы я ела?»

«Почему ты? Шишиши!» — змея рассмеялась, словно шипящая гора плоти. «Ты, конечно, ничто. Бесталанная, бесполезная, безвольная крыса, единственным достойным восхищения деянием которой было несвоевременное избавление мира от твоего жалкого «я»!»

«Тогда что...»

«Даже сейчас!» — прервал ее змей, — «Тысячи второстепенных богов и божков ухаживали за такими же ничтожными созданиями, как и ты, теми, кого несвоевременно оторвали от самых незначительных ветвей Мирового Древа, чтобы служить амбициям Темного Властелина! Ты не особенная! Ты не уникальная! Нет. Пока нет. Пока нет, пока я не закончу с тобой! Но...» Он осторожно положил огромную клиновидную голову на землю в нескольких футах от Корделии и выразил нечто похожее на улыбку на уродливом лице. Его тон резко изменился на ласковый, «По этой причине я твой союзник — твой величайший союзник отныне. Так что не бойся, хм? Давай обсудим твои перспективы, шишиши! Змея отобрала у тебя язык?»

Корделия сглотнула. Она не осмелилась заговорить, пока не перебрала в голове слова несколько раз, и не осмелилась произнести их, пока слова не вышли наружу, и она была уверена, что все еще может говорить. «Ты не ответил. Кто ты? Зачем ты привел меня сюда?»

«Ну», — змей отстранился и поднял голову к звездам. «У меня много имен. Но в этой форме и на твоём грубом языке меня иногда называют Мировым Змеем. И ты стоишь сейчас в моих владениях — тьма царит на краю миров. Здесь заканчиваются смертные и бессмертные заботы, здесь моря обращаются в ничто, а континенты уступают место пустоте. За пределами этого царства таятся вещи, которые даже боги не осмеливаются произнести, ибо малейшее предположение о них может свести самые набожные души с ума за пределами понимания. Я — страж, и пока ты служишь мне, ничто не тронет твою слабую душу, ни изнутри, ни извне. Ибо я — стойкий приверженец, а также тиран!»

Пока чудовище говорило, Корделия заметила, что звезды сверкали и увеличивались в размерах, и начали двигаться. И пока змея качалась, небесные существа кружились в невидимых кругах, которые ее тело рисовало в воздухе.

«Что касается твоей цели: ты и многие другие, подобные тебе, должны служить в авангарде долгой борьбы. Подробности ты узнаешь со временем, но сейчас ты можешь знать только то, что фракции враждуют поколениями в моем мире. И в этом моем мире ты будешь заново создан из плоти и души. И ты проникнешь в общество наших врагов, завоеешь их доверие и заслужишь место среди них. И тогда, — змей ужасно ухмыльнулся, — когда придет время и мой господин даст сигнал, вонзишь давно скрытый кинжал в их беззащитную спину. Хаос станет новым порядком, тьма — новым светом! И всю славу земли, в которой мы не нуждаемся, ты можешь унаследовать в полной мере! Есть вопросы?»

Корделия снова сглотнула, ее горло и губы были чрезвычайно сухими. «Я буду жить снова?» Она едва могла поверить собственным словам.

«Как мой агент, да. Что касается образа твоей новой жизни, давай посмотрим...» Звезды теперь были такими же большими, как глаза змей. Затем они внезапно прыгнули с неба и окружили змей, как вращающиеся пылающие шары. Гигантская шея поворачивалась к каждому сияющему свету, вглядываясь глубоко внутрь и ища. «Хм, где это, где это...»

На мгновение он, казалось, сосредоточился на задаче, но однажды его вулканические глаза замерцали, взглянув на Корделию, и он снова стал разговорчивым: «Тебе любопытно? Я полагаю, тебе должно быть интересно. В конце концов, следующие несколько мгновений определят твою новую жизнь. Какой младенец стал свидетелем своей предопределенной судьбы в нерожденном младенчестве? Но это действительно любопытный процесс, и не по выбору. Хотя да, иногда, но только очень редко, некоторым одаренным кандидатам, обладающим многими способностями, будет предоставлен выбор — но не тебе, слуга! Ты пойдешь по единственному доступному пути: моему! Ибо у меня есть план для тебя, мой собственный! Такой, перед которым даже величайшие будут трепетать в глубине своего сердца! Шишиши! Посмотрим. Где он? Берсерк? Варвар? Как эти низменные существа оказались в моей коллекции? Может быть, давно... ах, Певица, Алхимик, Солнечный Рыцарь... как много мусора барахтается вокруг, даже в жизни, а? Так мало великих вещей, но посредственность можно найти в нежданном изобилии... Ага! Вот она! Вот твоя судьба, которую я задумал!

Змея метнула голову, а вместе с ней и звезда, выстрелившая в Корделию, принесла с собой обжигающий жар. Она закричала, когда она вошла в ее грудь, окутав ее сердце.

«Радуйся!» — воскликнул Змей, вторя ее крику, «Это всего лишь осколок могущества моего господина, великое предательство моего замысла! Твоя истинная судьба! Твоя полная погибель!»

Корделия таяла. Она чувствовала это очень остро, когда ее кожа распадалась, ее кости гнили в пыль, ее мысли были захвачены. Все, что принадлежало ей, все, что еще оставалось после ее смертной смерти, было сконцентрировано в крошечном ядре. Мимолетный свет, неподкупный, или так предполагалось. Это поглощала, пожирала пылающая звезда. Сам мир стал пустым в этом процессе.

Где-то наверху, если пространство все еще можно было концептуализировать как таковое,

парил змей. «Разве это не ирония? Несмотря на то, что древние боги ценили свое творение души, которую они превозносили как бессмертную и непроницаемую, мой хозяин превратил все это в фарс! Лишь осколком его мощи мистическая конструкция жизни была разрушена, распутана! Теперь все, что осталось, — это всего лишь игрушка для его интриг! Какой переворот! Какой позор для самых прекрасных из одареннейших! Как вы себя чувствуете сейчас?»

Корделия ахнула. Теперь на ее костях была плоть, и внутри билось сердце. И все же это было по-другому. Гораздо больше, чем просто более ясный разум. Она споткнулась, поползла по земле и обнаружила, что ее голова пуста.

«Ты приспособливаешься», — мудро сказал зверь, — «Но это не зло, пока нет. Пойдем, я дам тебе вкусить радости». Где-то далеко хвост ударил по земле. Внезапно между Корделией и Змеем из мягкой почвы выскочила глиняная чаша. Какая-то темная жидкость наполнила ее до краев.

«Загляни внутрь», — приказал змей.

Не желая противостоять гигантскому зверю, Корделия подползла к миске. С некоторой опаской она заглянула туда и громко ахнула.

Это было все еще ее лицо, в какой-то степени, но многое изменилось. Исчезли шрамы, нанесенные трижды, и более тонкие черты были изменены. То, что она увидела в нем, было поразительно и безошибочно с самого первого взгляда отражением великой красоты.

«Это... я?» Хрипотца страха и потрясения не могла скрыть незнакомости ее нового голоса, его странного успокаивающего качества, напоминающего журчание воды.

Мгновенно страх сжал ее живот. Ибо то, что она увидела, было не простой красотой. Ибо глаза, смотревшие в ответ, были непостижимо черными. Однако, при более пристальном взгляде, можно было увидеть в них амарантовое очарование; темно-красный и фиолетовый оттенок множества сладко шепчущихся обещаний, непреодолимых начинаний, чтобы бросить вызов храбрым, ужасных тайн, чтобы соблазнить мудрых, и необузданной страсти, манящей обреченного возлюбленного. Так же, как и все перспективы и соблазны, собранные и заманчивые, сходясь к водовороту тьмы в центре радужных оболочек. Затем были чувственные губы и мягкие черты, которые были прекрасны в идиллии, но как только под ними зашевелилось самое тонкое чувство, они предательски резко превратились в острые края и морщинистую жестокость, столь же поразительные, как прыжок змеи из темноты.

Она боялась этого. Она боялась своего собственного облика существа, одновременно красивого и жестокого.

«Ты недовольна?» Зверь все еще парил над головой, обвиваясь вокруг нее и глиняной чаши ужасных откровений. Он тихо сказал, словно милая бабушка, дающая своему ребенку полезные советы: «Когда ты перешла от смерти в мои владения, я заглянула в твое сердце, дорогая. Я

узнала, как ты изуродовала свои лица, как ты намеренно глубоко порезала холодными бритвами, чтобы убежать от зла. Но теперь ты будешь играть дьявола! И больше не будешь бегать от людей, милая. Больше не будет Корделии жертвой, больше не будет несчастной добычей! Но ты будешь пугать мужчин и женщин, заставляя их подчиняться! И дарами, которые я могу даровать, низшие смертные будут пресмыкаться и хрипло умолять служить твоим целям! Так освяти свою веру и внимли! Запечатлей в своем мозгу нечестивое песнопение: «О великий падший, покажи своему слуге махинации ее испорченного сердца и противоестественной души!»

Корделия слушала, как змея нараспев произносит, и внезапно ее разум закружился, ее взгляд замерцал. То, что поначалу выглядело не более чем задержавшейся формой какого-то ослепительного света, начало формировать прозрачную и отчетливую форму тьмы перед ее глазами. Она организовалась в связную форму большой плавающей таблички. После этого были написаны буквы и символы. Но хотя она понимала язык, их более глубокий смысл ускользал от нее.

<http://tl.rulate.ru/book/114908/4447068>